

МРШАВКО ШТАПИЧ

ПЛЕЙЛИСТ ВОЛОНТЕРА

INSPIRIA

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш87

Художественное оформление издания *Юлии Девятовой*

Издательство благодарит Banke, Goumen & Smirnova Literary
Agency за содействие в приобретении прав

Штапич, Мршавко.

Ш87 Плейлист волонтера / Мршавко Штапич. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-220066-3

Роман-true story от участника поисковых миссий известного отряда «ЛизаАлерт».

Принято много и подробно говорить о потерянных людях и жертвах, которых находят поисковые отряды. Но мало кто писал и пишет о людях, которые в эти поисковые отряды входят. Кто-то, надевая оранжевые спецовки, убегает от собственных проблем: от алкоголя и наркотиков, от нелюбимых и не любящих. От самих себя.

Но именно эти несовершенные люди, бухая и греша, спасают чужие жизни. Каждый день.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-220066-3

© Mršavko Štapić, текст, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1. «Ленинград»: «Про любовь»

В поиски пропавших меня привели блядство и беспечность одного вице-премьера. В определенный момент своей жизни он решил присутствовать восемнадцатилетней Гале — победительнице какого-то деревенского конкурса красоты: то ли мисс Смоленск, то ли мисс Брянск. Трахался он без гандона — за что и поплатился ребенком, зарегистрированным как безотцовщина на отличную от папиной фамилию, и вынужден был теперь втайне от жены обеспечивать жизнь «мисски» (гелик, квартира на Динамо, шмотки и другая труха).

Трахать Галю после родов, очевидно, было уже не так интересно — и, чтобы отвлечь ее от себя, он загрузил Галю работой. Так она стала председателем какого-то молодежного правительства, которое занималось непонятно чем, и владелицей пары бутиков, которые торговали всяким эксклюзивным, но никому не нужным тряпьем. Но недотраханной и — в сложившейся ситуации — несвободной девочке этого было мало. Тогда вице-премьер нашел продюсера, который пообещал замутить с ней программу на одном из федеральных телеканалов. Собственно, тут и понадобился редактор и сцена-

рист в одном лице. В этот момент — хоть и ненадолго — в жизни экс-«мисски» появился я.

Продюсер был изрядным мудаком и был приведен вице-премьеру «по знакомству». Эта цепочка в целом логична: мудаки знакомы с мудаками, подсовывают друг другу мудаков и работают по мудацким принципам; логично также и то, что я как бы замкнул собою эту вереницу. Продюсер сделал всё, чтобы просрать все 80к баксов, которые ему дали на «пилот»: взяв себе 60, на остальные 20 он попытался максимально ярко оправдать трату денег — но прокололся. Во-первых, он предложил снять социальное ток-шоу с репортажами самой ведущей, то есть Гали. Нужно ли объяснять, что героиня всего-то и умела, что крутить своими худыми, но привлекательными бедрами, а этого умения для репортажа маловато? В принципе, я бы оценил, если бы Галя виляла своей крепкой задницей перед старшаками-детдомовцами. Это была бы истинная благотворительность, в духе благородных девиц, отдававшихся целым ротам солдат перед последним боем. Во-вторых, чувак явно не понимал, какой я сценарист и редактор. Хуевый — по всем показателям.

Я любил выпить, любил митинги, и хорошо сек в «социалке». Первый свой год в «ящике» я провел корреспондентом на программе про инвалидов. Героями моих репортажей были brave летчики — прошедшие испанскую, финскую и Великую Отечественную войны два убойных деда из совета ветеранов, со своей фишкой: чтобы их ни-

Плейлист волонтера

кто не понимал, они переходили на испанский; «афганец», которому оторвало ноги, но он справился и стал депутатом Госдумы; ссущийся под себя алкоголик, «партизан»-чернобылец со страшным псориазом по всему телу; слепая от рождения девушка, которая обладала невероятным либидо, не ебалась только с мертвыми и при всяком удобном случае хватала мужиков за причиндалы, которые она как будто видела; глухие, которые мне подарили страшно крутые сюжеты — драки в полной тишине, разбавляемой легким хрустом челюстей и звуками тупых ударов. После я работал редактором на музыкальном шоу, так что Киркоров мог позвонить в час ночи и петь песню «Зайка моя», и я должен был это слушать, а я, в свою очередь, орал песню «Спасибо, родная», и это уже слушал Боярский, который сам того не желал, просто незаметно встал у двери первой студии «Останкино». Целый телесезон я писал шутки для самой несмешной программы с четырьмя ведущими женского пола. Каждый божий день я писал шутки, ни одну из которых в эфире они так и не произнесли нормально. Кроме того, я сделал еще 5–6 разных развлекательных проектов и еще десяток мероприятий, на которых в основном жрал фрукты и пил коньяк в гримерках.

В общем, я уже видел жизнь с разных ракурсов, поэтому фантазия у меня работала, но исключительно цинично. К тому же я понимал кое-что в телке, и сразу определил смерть грядущего проекта.

Потому я, наверное, был последним, кому туповатый и жадный до усрачки мудака мог довериться. Тем не менее он доверился мне.

Я не сильно заморачивался с поиском темы. Тогда все СМИ стояли на ушах после образования волонтерского отряда по поиску пропавших. Прекрасное время империи, когда выяснилось, что в стране теряются люди и их вообще никто не ищет.

Подходящий для съемок сюжета случай подвернулся быстро, и в одно прекрасное ноябрьское утро мы сели в тачку продюсера, чтобы отправиться за 300 км от Москвы на поиски пропавшего вертолета. Вертушка пропала за неделю до, и шансов найти пилота живым не было; даже если бы он и выжил после падения, то замерз бы: в тверском лесу в ноябре довольно холодно.

«Легенда» была не очень интересной: пилот с малым налетом в одиночку решил метнуться на охотничью заимку; естественно, по старой русской традиции он не сообщил о вылете диспетчеру, поэтому отслеживали его уже после падения, и только по аварийному маячку, который, как показал поиск, почти бесполезен.

На опушке и вдоль дороги на протяжении метров трехсот стояли десятки машин волонтеров. Выделялся Hummer, который явно занимал лучшее место — у выезда с опушки, в самом центре, на небольшом бугре. Рядом толпились люди. Там, в середине столпотворения, мы нашли руководителей поиска: журналистку Риту Соловьеву и пред-

Плейлист волонтера

седателя отряда добровольцев Георгия Петрова. Риту я часто слушал в забавной программе на либеральном радио, где она была ведущей. Веселая обычно Рита резко контрастировала с мокрой Ритой на унылой опушке того, что в Твери называют лесом, а в остальном мире — болотом, поросшим деревьями. Где-то на этих ста квадратных километрах выработанного по большей части торфяника и лежал разбитый Robinson.

«Че, опять говорить надо будет?» — спросил Петров у Соловьевой, глядя на расчехлявшего камеру оператора. Поняв, что интервью давать не надо, Петров потерял интерес к нашей группе и вернулся к карте, на которой рисовал задачи для групп, то есть «координировал» поиск. «Для “России” снимаете? — спросила Соловьева. — Идите в поисковой группе. Большая просьба — на выходе покажите, что снимете. Ок?»

Нас быстренько затолкали в группу поисковиков, и уже через полчаса я, оператор и Галя в дорогом горнолыжном костюме ехали в «Ниве» по торфянику в компании какого-то кренделя, который считал себя экстрасенсом, и заебанного третьими сутками поисков, старшего в нашей группе, профессора физики Гущина.

Гущина напрягали рассуждения экстрасенса, и у них завязался спор. Гущин долго и популярно рассказывал об авиации, действии аварийных маячков и визуальном обнаружении на местности. Экстрасенс порол про дольмены, духов и прочую лабуду. С телевизионной точки зрения это было

похоже на обычное российское ток-шоу, посвященное чему угодно, кроме реальности. А реальность была такой, что у меня хватало сил только покрепче сжимать очко во время бесконечных скачков «Нивы» на колдобинах, и я не понимал, как Гущин и экстрасенс могут вести более-менее связный диалог.

Битый час отечественная комбинация гроба и полного привода тряслась по дороге среди пустоши с чахлым березняком. Казалось, что в таком прозрачном месте невозможно не обнаружить вертушку с воздуха. Но пропавший Robinson R44 был белым, а пространство местами слегка припорошило снегом...

Когда «Нива» остановилась, местность оглушила невероятной, непроницаемой тишиной, и страшно стало покидать этот неопрятный аппарат.

Торфяник при каждом шаге гудел под ногами. Профессор Гущин повел нас строем типа «гурьба» в наш квадрат — в километре от дороги. Я глотал сопли и жалел, что не надел шапку. Галя шла, наступая с носочка, чтобы под ней меньше гудела земля. «Не провалитесь, не переживайте», — твердил Гущин и подавал Гале руку при малейшем препятствии. Оператор, почему-то оставивший чехол на опушке, нес камеру, укрывая ее курткой. Экстрасенс сосредоточенно всматривался в кусты. «Хочу поссать», — внезапно и грубо объявил он. Группа по указанию Гущина остановилась. Ноябрьский снег падал мне в волосы и тут же таял. «Он тут», — проорал из мелколесья экстрасенс.